

ISSN 1026-5627

**Русский
орнитологический
журнал**

**2020
XXIX**

ЭКСПРЕСС-ВЫПУСК
1901
EXPRESS-ISSUE

2020 № 1901

СОДЕРЖАНИЕ

- 1255-1262 От Байкала и Саян до берегов Невы (к 65-летию Юрия Анатольевича Дурнева). А . Ф . К О В Ш А Р Ь
- 1263-1276 Вторая Прибалтийская орнитологическая конференция (Таллин, 1954). Р . М А Т Р О З И С
- 1276-1286 К теории пролётных путей и миграции широким фронтом. Э . В . К У М А Р И
- 1287-1290 Роль стихийных бедствий в динамике численности птиц в Казахстане. А . А . С Л У Д С К И Й
- 1290-1291 Зависимость численности каменки-плясуньи *Oenanthe isabellina* от плотности поселения большой песчанки *Rhombomys opimus* в Мургабо-Амударьинском междуречье и Центральных Каракумах. Х . Б А Б А Е В
- 1291-1292 Особенности питания белой совы *Nyctea scandiaca* и мохноногого канюка *Buteo lagopus* в горных тундрах низовой реки Лены. В . Н . Б О Л Ь Ш А К О В
- 1292-1293 О зимнем питании ушастой совы *Asio otus* в Херсонской области. В . И . А Б Е Л Е Н Ц Е В ,
А . С . У М А Н С К А Я
-

Редактор и издатель А.В.Бардин
Кафедра зоологии позвоночных
Биолого-почвенный факультет
Санкт-Петербургский университет
Россия 199034 Санкт-Петербург

Русский орнитологический журнал
The Russian Journal of Ornithology
Published from 1992

Volume XXIX
Express-issue

2020 № 1901

CONTENTS

- 1255-1262 From Baikal and Sayan to the banks of the Neva
(to the 65th anniversary of Yuri Anatolyevich Durnev).
A . F . K O V S H A R
- 1263-1276 Second Baltic Ornithological Conference (Tallinn, 1954).
R . M A T R O Z I S
- 1276-1286 On the theory of migration routes and migration
of a broad front. E . V . K U M A R I
- 1287-1290 The role of natural disasters in the dynamics of the number
of birds in Kazakhstan. A . A . S L U D S K Y
- 1290-1291 Dependence of the number of the isabelline wheatear
Oenanthe isabellina on the population density of the great
gerbil *Rhombomys opimus* in the Murgabo-Amudarya
interfluvium and Central Karakum. H . B A B A E V
- 1291-1292 The food of the snowy owl *Nyctea scandiaca*
and the rough-legged buzzard *Buteo lagopus*
in the mountain tundra of the lower Lena River.
V . N . B O L S H A K O V
- 1292-1293 About winter food of the long-eared owl *Asio otus*
in the Kherson Oblast. V . I . A B E L E N T S E V ,
A . S . U M A N S K A Y A
-

A.V.Bardin, Editor and Publisher
Department of Vertebrate Zoology
St. Petersburg University
St. Petersburg 199034 Russia

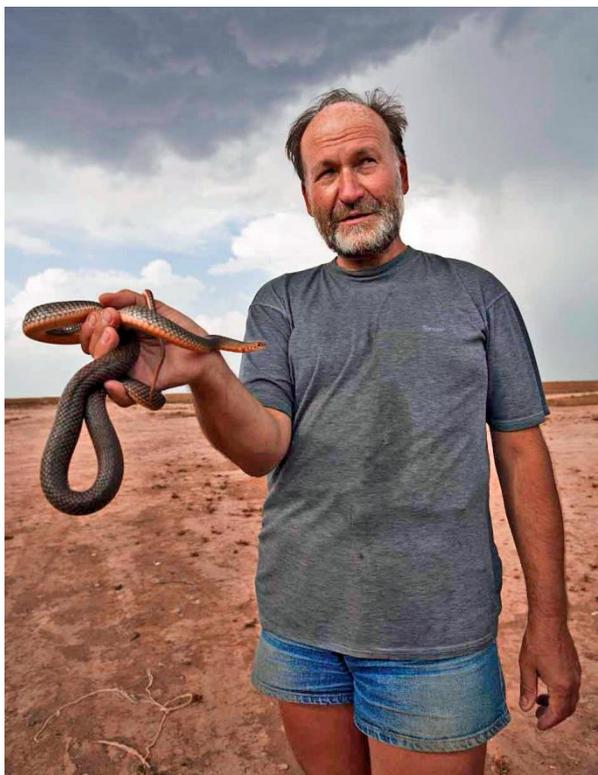
От Байкала и Саян до берегов Невы (к 65-летию Юрия Анатольевича Дурнева)

А.Ф.Ковшарь

Анатолий Фёдорович Ковшарь. Институт зоологии, Министерство образования и науки. Проспект Аль-Фараби, д. 93, Алматы, 050060, Казахстан. E-mail: ibisbilkovshar@mail.ru

Поступила в редакцию 3 марта 2020

Известному российскому орнитологу, одному из лучших знатоков птиц Байкальского региона и Саянских гор, исследованию которых он посвятил более 20 лет, кандидату биологических наук и доценту Иркутского государственного университета, а ныне – доценту кафедры зоологии Российского государственного педагогического университета им. А.И.Герцена в Санкт-Петербурге Юрию Анатольевичу Дурневу 6 марта 2020 исполнилось 65 лет. В это трудно поверить, глядя на атлетическую фигуру этого совсем молодого ещё (и не только духом) человека. Когда-то этот возраст считался преклонным, и немало людей мечтало дожить до него. Однако уже к концу XX столетия стало ясно, что 65 лет – это возраст расцвета, и не только для политика, как говорил Мюллер Штирлицу, но и для учёного и вообще творческого человека. И даже юбилеи учёных в наше время всё чаще начинают отмечать только с 60 лет, а 50-летние чувствуют себя ещё совсем молодыми...

Юрий Анатольевич Дурнев.

Но вернёмся к нашему юбиляру, который первый свой юбилей отмечает только в 65 лет – отчасти в силу собственной скромности, отчасти по причине очень уж большой удалённости его любимого Байкала от современной цивилизации. Ведь и учителя его – Виталий Дорофеевич Сонин и Станислав Иванович Липин – отдавшие исследованию птиц Байкала полностью свои довольно продолжительные жизни, вовсе не были избалованы юбилейными торжествами. А ученики, как известно, идут по стопам своих учителей...

Родившись 6 марта 1955 года, Юрий Анатольевич Дурнев, как гласит скупая документация, в 1977 году с отличием окончил биолого-почвенный факультет Иркутского государственного университета по специальности «Биолог. Преподаватель биологии и химии», после чего в течение 21 года работал на кафедре зоологии позвоночных этого университета, пройдя путь от ассистента до заведующего кафедрой и заместителя декана по учебной работе. Научные интересы Ю.А. лежат в области орнитологии, орнитогеографии и охраны птиц. Кандидатскую диссертацию на тему «Птицы как компонент лесных экосистем Южного Предбайкалья» он защитил в 1983 году в Московском государственном университете им. М.В.Ломоносова.

Ю.А.Дурнев среди родных и орнитологов в Култуке (В.Д.Сонин, М.В.Сонина, Ц.З.Доржиев и др.)*.

С 2010 года Юрий Анатольевич переезжает в Петербург и работает доцентом кафедры зоологии РГПУ им. А.И.Герцена. Повышал квалификацию в процессе научных и научно-педагогических стажировок в

* Все фотографии в статье сделаны автором.

Киевском (1978), Московском (1981), Санкт-Петербургском (1983) и Дальневосточном (1984) государственных университетах, в Зоологическом институте РАН (1979, 1984, 1988, 1992, 1996 и 2003), НИИ охраны природы и заповедного дела МПР РФ (2002). Свободно владеет немецким языком, имеет опыт преподавания в Университете Мартина Лютера (Халле-Виттенберг, Германия). В 2006-2009 годах участвовал в съёмках шести-серийного фильма «Дикая природа России» в качестве научного консультанта студии «NaturFilm» (Nord Deutsche Rundfunk, Гамбург, Германия). Качество этого фильма очень высокое – только о нём можно было бы написать не одну страницу...

Ю.А.Дурнев измеряет яйца малого зуйка, вдали виден посёлок Култук. Помогает племянник Дания.

Результаты научно-исследовательской деятельности Ю.А. опубликованы более чем в 150 научных работах в области орнитологии, региональной зоологии и охраны животного мира (три коллективные монографии, статьи и краткие сообщения, опубликованные в отечественных и зарубежных изданиях, несколько популярных книг и учебных пособий). Кроме того, им подготовлена к публикации монография «Птицы в экосистеме озера Байкал», а в соавторстве – ещё две: «Хамар-Дабан и его птицы» и «Птицы Иркутского Академгородка». За последние 38 лет Ю.А. участвовал в 30 международных конгрессах, федеральных и региональных зоологических конференциях и совещаниях – от Испании, Германии и Латвии до Хабаровска и Якутска; один только перечень их занял бы целую страницу Столь же значительны и результаты педагогической работы: под его руководством успешно защищены три канди-

датские диссертации по орнитологии и териологии; защищено более 150 дипломных работ по экологии и охране птиц и других наземных позвоночных, выполненных студентами Иркутского государственного университета, Иркутской государственной сельскохозяйственной академии, Российского государственного университета им. А.И.Герцена.

На Кругобайкальской железной дороге. Справа – фотографирование погибшего синего соловья.

В бухте Бабушка на юго-западном Байкале. Июнь 2010 года.

Ю.А.Дурнев активно сотрудничает с заповедниками и национальными парками, проводя изучение птиц по планам НИР ООПТ Сибири, Дальнего Востока и Северо-Западного региона России. Оптимиза-

ции орнитологических и природоохранных исследований служит также Байкальская международная орнитологическая экспедиция, организованная Ю.А. и успешно работающая под его научным руководством уже 25 лет.

На заливе Култук с учителем Виталием Дорфеевичем Сониным. Июнь 2010 года.

На этом мне хотелось бы отойти от сухого перечня заслуг юбиляра и сказать о нём как о человеке и специалисте. Впервые мы встретились на Второй сибирской орнитологической конференции в Горно-Алтайске осенью 1983 года, где я имел возможность на берегах знаменитого Телецкого озера наблюдать 28-летнего страстного любителя природы и птиц; затем был холодный Кеммери (Латвия, зима 1993 года) и яркая весенняя Эстремадура в Испании, где в марте 1996 года проходило совещание по чёрному аисту. Но самые неизгладимые впечатления остались от месячного пребывания в июне 2010 года на Байкале, где Юрий Анатольевич был в своей родной стихии, знакомя гостя не только с самой незабываемой природой Байкала и Саян, но и с прекрасным коллективом иркутских и бурятских орнитологов, начиная с В.Д.Сонина, С.И.Липина, Ц.З.Доржиева (которых я знал и раньше), и кончая С.В.Пыжьяновым, В.В.Поповым, И.В.Фефеловым.

Путешествуя по юго-западному берегу Байкала от Голоустной до Култука, я не уставал удивляться познаниям Юрия Анатольевича не

только в орнитологии (что не было удивительно), но и в ботанике: он знал практически каждое растение и мог рассказать о нём очень много интересного. Ещё глубже оказались его познания в истории этого во многом удивительного края – от В.А.Годлевского и В.Ч.Дорогостайского, с именами которых был связан древний посёлок Култук на юго-западном берегу Байкала, до адмирала Колчака, расстрелянного большевиками близ Иркутска. А когда я попросил показать мне загадочного сибирского углозуба *Salamandrella keyserlingii*, который бывает в воде только во время икрометания, а живёт в сырой подстилке на суше, появляясь на поверхности только ночью и лишь в морозящий дождик изредка вылезает и днём; Юрию Анатольевичу понадобилось всего два дня – чтобы добраться до Тункинской долины, где в районе Улбугайских озёр он знал места обитания этого земноводного, прекрасно отснятого им в уже упомянутом немецком фильме...

Ю.А.Дурнев, С.Л.Сандакова и Ц.З.Доржиев на окраине Иволгинского дацана рассматривают в бинокль ошейниковую овсянку *Emberiza fucata* в самой западной точке её ареала.

Предгорье и высокогорье Хамар-Дабана, долина Селенги, Тункинская долина и Восточный Саян в истоках реки Иркут – все эти места Юрий Анатольевич знает очень хорошо и за несколько дней не только смог показать их во всей красе, но и рассказать об их пернатых обитателях очень много – буквально целый цикл лекций «на природе».

Орнитологи на реке Селенге в среднем её течении. 19 июня 2010
(А.Ф.Ковшарь, Ю.А.Дурнев, и Ц.З.Доржиев).

В горах Хамар-Дабана (ущелье Арашан), недалеко от колонии *Delichon dasyrus*. Июнь 2010.

Гостеприимный дом Сониных – Дурневых в посёлке Култук на берегу Байкала и его обитатели. Июнь 2010.

Для меня остаётся загадкой: как после такого великолепия природы Байкальского региона и Восточного Саяна должен чувствовать себя орнитолог, вернувшийся на европейскую родину (Ю.А. родом из Петербурга). Но похоже, что Ю.А. как орнитолог чувствует себя хорошо и в северных лесах и даже на Чёрных землях Северо-Западного Прикаспия, куда ежегодно возит на практику студентов. Об этом свидетельствуют его нередкие публикации последних лет: «Материалы по фауне и населению птиц степной части заповедника Чёрные Земли (Республика Калмыкия)» (Дурнев, Корнилова, Манджиев 2013), «Материалы по экологии стрепета (*Tetrax tetrax* Linnaeus, 1758) в заповеднике Чёрные Земли (Республика Калмыкия)» (Дурнев, Манджиев, Карамышев 2014), «Птицы заповедника «Чёрные Земли» (Северный Прикаспий)» (Дурнев, Корнилова, Манджиев 2014), «Особенности динамики ареалов некоторых Passeres Северного Прикаспия в начале 21-го века» (Дурнев, Бадмаев, Манджиев 2015) и др.

Хочется пожелать Юрию Анатольевичу Дурневу, который сейчас действительно находится в расцвете творческих сил, продолжать исследования птиц в самых разных землях (и не только «Чёрных»), не забывая при этом обрабатывать и публиковать также свои прежние материалы по птицам благословенного Байкальского края.

Вторая Прибалтийская орнитологическая конференция (Таллин, 1954)

Р.Матрозис

Руслан Матрозис. Латвийское орнитологическое общество. E-mail: matruslv@inbox.lv

Поступила в редакцию 6 февраля 2020

После удачно проведённой в апреле 1951 года в Риге межреспубликанской орнитологической конференции (Матрозис 2018), впоследствии которую назвали Первой прибалтийской орнитологической конференцией, второй раз советские орнитологи встретились в Таллине с 15 по 21 мая 1954 года. Проведение этой конференции готовили более своевременно, в её работе приняло участие 185 участников из 72 учреждений Советского Союза, на трёх пленарных заседаниях и пяти заседаниях двух секций было прослушано 39 докладов, главным образом по вопросам миграции, привлечения и переселения птиц, а также их охраны. Конференция собрала многих представителей советской орнитологической элиты, специалистов от Прибалтики до Казахстана. Из-за отсутствия на тот момент всесоюзных орнитологических конференций, часть докладов не относилась к территории Прибалтики. По результатам работы этой конференции в 1954-1957 годах были опубликованы краткие описания итогов и решений конференции (Анон 1954; Дементьев, Кумари, Шапошников 1955; Kumari 1957).

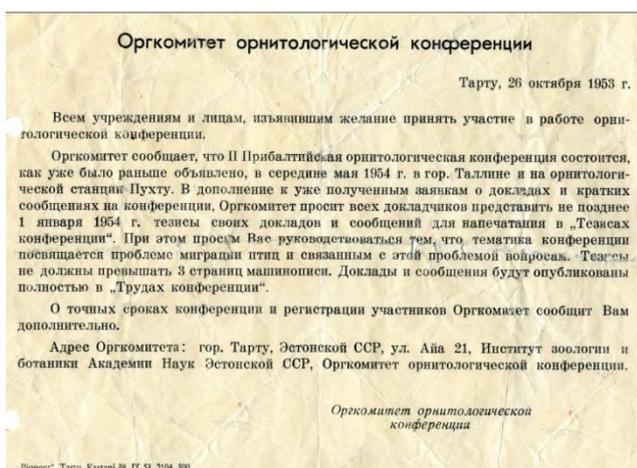
Судя по сохранившимся фотографиям, не менее 7 участников имели фотоаппараты, но за последующие 65 лет были опубликованы только некоторые снимки. В 1974 году в сборнике «Из истории орнитологии в Прибалтике» (Tallinn, Valgus) была опубликована фотография трёх лидеров Прибалтийских орнитологов – Э.Кумари, Э.Тауриньша и Т.Иванускаса – во время экскурсии. В 2005 году латышский орнитолог Янис Викасне (1936-2015) в журнале Латвийского орнитологического общества опубликовал краткое описание этой конференции, снабдив описанием семь фотографий из фотоархива Эгона Тауриньша (1907-1989) (Vīksne 2005).

Данный обзор основан на опубликованных материалах этой конференции и на 26 фотографиях из архива Э.Тауриньша, хранящихся в архиве лаборатории орнитологии Института биологии Латвии. Распознавание участников конференции проводил автор этой статьи на основе созданной базы портретов советских орнитологов (в основном Прибалтийских, а также из Ленинграда и Москвы) по фотографиям из архива автора, опубликованным фотографиям с указанием имён орнитологов и по разным источникам в интернете. Полный список участ-

ников не был опубликован, но судя по фотографиям, из 185 участников конференции большую часть составляли местные эстонские студенты и местные представители разных направлений биологии. Также благодаря анализу имеющихся фотографий удалось идентифицировать 51 участника конференции и найти годы их жизни. Средний возраст выступающих с докладом – 42 года: от 22 лет (эстонские студенты С.Х. Онно, 1932-1974 и А.И.Йыги (1932-1974) до 72 лет (Т.Л.Иванаускас, 1882-1970), а самый молодой из присутствующих (соавтор доклада) – 18-летний Я.А.Виксне. По крайней мере 14 человек участвовало также в работе Первой Прибалтийской орнитологической конференции тремя годами ранее.

Организация конференции

По решению предыдущей конференции, эстонские коллеги под руководством Эрика Вольдемаровича Кумари (1912-1984) взяли на себя организацию следующей конференции и прекрасно с этим справились. Первая имеющаяся в архиве автора информация о предстоящей конференции была подготовлена и отправлена потенциальным участникам 26 октября 1953 года, с просьбой сообщить о намерении посетить конференцию и прислать тезисы докладов, а также информировать об участии в экскурсиях после официальной части встречи. Основная специализация докладов на этой конференции была связана с проблемой изучения миграций птиц. 10 марта 1954 года участникам были выслано сообщение о конкретных датах проведения конференции, прилагалась также программа докладов на русском и эстонском языках.

Информационные материалы, разосланные в конце октября 1953 года потенциальным участникам конференции (тираж 300 и 500 экз.).

Незадолго до начала конференции зарегистрированные участники получили карманного размера брошюру (размер 140×100 мм, тираж – 500 экз.) с подробной программой конференции на русском и эстонском языках.

Оргкомитет орнитологической конференции

Тарту, 10 марта 1954 г.

Оргкомитет II-ой Прибалтийской орнитологической конференции сообщает, что конференция состоится с 15 по 21 мая 1954 г. в городе Таллине и на орнитологической станции Пухту Эстонской ССР.

Оргкомитет обращается ко всем желающим принять участие в работе орнитологической конференции с просьбой сообщить об этом, а также о своем желании забронировать помещения в гостинице **не позднее 10-го апреля**. Участники конференции командированы за счет своих учреждений.

Дальние поезда прямого сообщения курсируют по линиям Москва — Таллин, Ленинград — Таллин и Рига — Таллин. Во время прибытия этих поездов 13—15 мая представители Оргкомитета (с красной повязкой на рукаве с надписью белыми буквами „ОК“) будут дежурить на Таллинском вокзале.

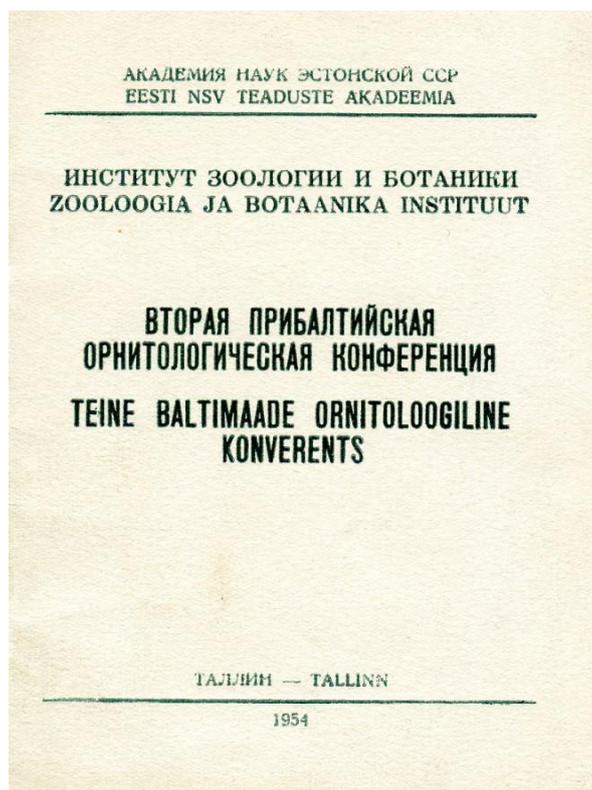
Пригласительные билеты с подробной программой конференции будут высланы в конце апреля.

Адрес Оргкомитета: гор. Тарту, Эстонская ССР, ул. Айа № 21, Институт зоологии и ботаники Академии Наук Эстонской ССР, Оргкомитет орнитологической конференции.

*Оргкомитет орнитологической
конференции*

„Pioneer“, Tartu, Kastani 38. II 54. 514. 500. MB 05861.

Последнее сообщение, с указанием точных дат проведения конференции
(10 марта 1954, тираж 500 экз.)

Конференция (15-17 мая)

Открытие конференции состоялось 15 мая в 11 часов в конференц-зале здания Президиума Академии наук Эстонской ССР. С приветственными речами выступили ведущие орнитологи и руководители со стороны организатора. После вступительных речей по программе состоялись слушания докладов.

Президиум конференции (слева направо): Н.А.Гладков (1905-1975, Москва), Э.В.Кумари (1912-1984, Тарту), В.Ф.Дарионов (1903-1975, Москва), А.В.Михеев (1907-1999, Москва), Х.М.Хаберман (1904-1986, Тарту), Й.Я.Пиппер (1882-1973, Тарту), Л.А.Портенко (1896-1972, Ленинград), неизвестный, И.Г.Эйхфельд (1893-1989, Таллинн, президент Эстонской Академии Наук), Г.П.Дементьев (1898-1969, Москва). 15 мая 1954 года.

Коротко и вкратце, уважаемые 2-ой Прибалтийской орнитологической конференции!

Разрешите мне во-первых, как организатору орнитологов Латвийской ССР, сердечно поздравить Вас и выразить наилучшие пожелания в дальнейшей работе конференции.

Большую радость нам доставило то, что Вы задали и поставили, которые были исполнены на ~~отлично~~ организованной нашей орнитологами Латвии, если можно так выразиться, 1-ой Прибалтийской орнитологической конференции в Риге в 1957-ом году, сейчас успешно выиграв благодарности наших молодых талантливых людей - орнитологов Латвийской ССР.

За ~~то~~ это мы от орнитологов Латвии хотим сердечно сказать!

И хотел бы выразить надежду, что сотрудничество орнитологов Прибалтийских и скандинавских братских республик Союза на этой - 2-ой Прибалтийской конференции будет еще более укреплено, и в будущем Латвийская орнитологическая конференция в сотрудничестве с нашей коллегой в дальнейшей работе на благо ~~развития~~ дальнейшего развития Прибалтийской орнитологической науки.

Наконец, мне хотелось бы выразить Вам и нашим орнитологам, которые по возможности могли принять участие в этой конференции - директор И-во Лесхоз. проф. Н.И. Мухоморов, проф. А.К. Ковальский, проф. Я.В. Яковлев, проф. В.И. Мухоморов, проф. В.И. Мухоморов, проф. В.И. Мухоморов, проф. В.И. Мухоморов и др.

Рукописный текст краткой приветственной речи организатора Первой Прибалтийской орнитологической конференции Эгонса Тауриньша. Из архива Р.Матрозиса.

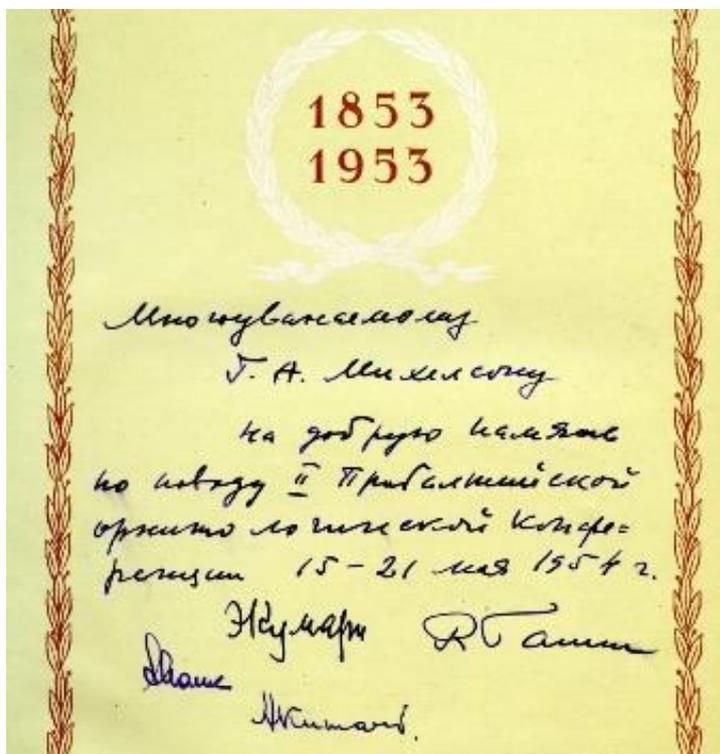
Слева – председатель оргкомитета конференции Э.В.Кумари выступает на первом пленарном заседании с 40-минутным докладом о теории пролётных путей и миграции широким фронтом. Справа – Юрий Андреевич Исаков (1912-1988), сотрудник Дарвинского государственного заповедника и большой друг балтийской орнитологов, выступает с докладом о некоторых вопросах изучения фауны и географического распространения птиц.

Часть участников конференции. В первом ряду справа налево первые три: Л.А.Портенко, Ф.И.Страутман (1912-1967, Львов) и Е.М.Воронцов (1899-1971, Горький), во втором ряду справа два эстонских орнитолога – О.Ренно (1932) и С.Онно (1932-1974).

Фотография 63 участников конференции возле здания президиума Академии наук Эстонской ССР на улице Кохту 6 в Таллине, где проходила конференция.

По сложившейся традиции, на конференциях орнитологи дарили коллегам свои издания – отписки статей и книги. Подаренный латышскому орнитологу Г.А.Михельсону (1930-1981) юбилейный сборник Эстонского Общества Естествоиспытателей (1853-1953) (Таллин, 1953) с дарственной надписью от эстонских коллег – Эрика Кумари, Айно Кумари (1908-2004), Рудольфа Тамма (1898-1997) и Августа Манка (1914-1996).

Экскурсии (18-21 мая)

Неотъемлемая часть орнитологических конференций для общения на природе и в неформальной обстановке – это организация экскурсионной программы. На этой конференции эстонские коллеги организовали 4-дневную экскурсию с посещением исторических мест Таллина, а также с поездкой и наблюдениями за птицами во многие орнитологически интересные места западной части Эстонии. Около 40 участников посетили разные биотопы – морское побережье, болота, приморские озера и леса. Для перевозки участников использовали два автобуса ЗИС-155 (по 28 сидячих мест в каждом), а также легковой автомобиль.

Общая фотография 35 участников экскурсии на фоне развалин усадьбы Выйке-Рыуде (Väike-Rõude mõis) недалеко от Матсалуского залива, в которой во время орнитологических экспедиций гостили одни из пионеров орнитологических исследований в этом заливе – Эрнст фон Миддендорф (1851-1916) в 1897 году и Гаральд фон Лоудон (1876-1959) в 1908 году.

В первый день экскурсий – в первой половине дня 18 мая участники посетили исторические места города Таллина, затем их перевезли на юг, на орнитологический стационар Пухту. 19 мая проходило ознакомление с фауной птиц широколиственного леса Пухту, морского побережья и приморских озёр, с обедом в Лихула и возвращением обратно в Пухту. 20 мая состоялся выезд на низинное болото Туху, верховое болото Нятси и в дубраву Михкли. В последний день из Пухту был организован выезд к заливу Матсалу, обед снова в Лихула и отъезд в Таллин.

Орнитологическое развлечение: Карлис Григулис (1886-1972) на дудочке
высвистывает мелодии песен птиц, а Леонид Портенко собирает пожертвования...
Между ними Лев Осипович Белопольский (1907-1989, Петрозаводск),
справа за ними улыбается Ангелина Михайловна Судиловская (1903-1976, Москва).

Экскурсанты на отдыхе во время стоянки.

На берегу залива Матсалу.

Морское побережье возле Пухту и здание орнитологической станции.

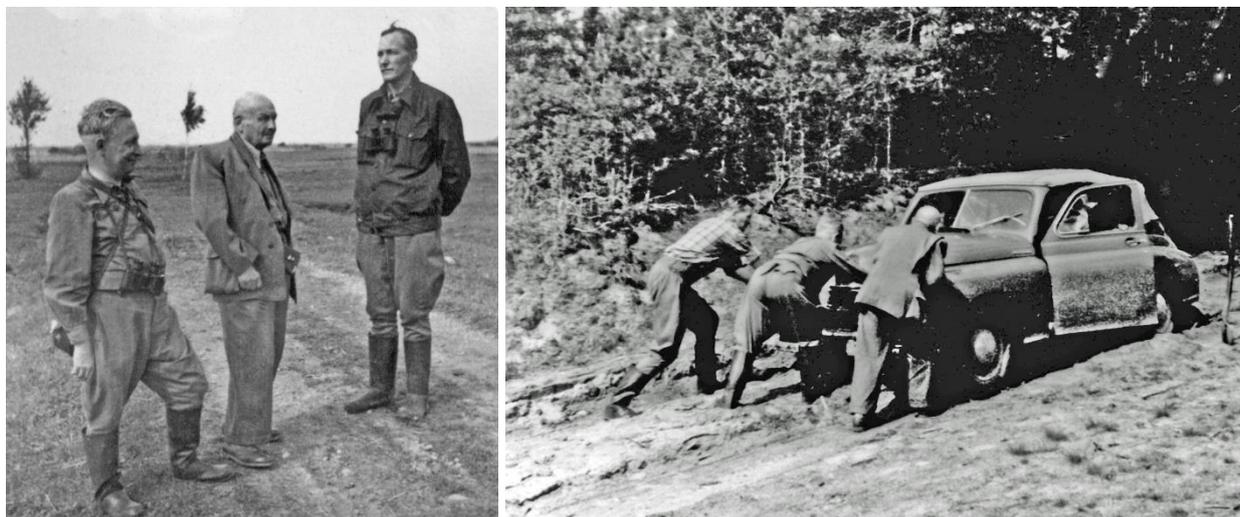
Демонстрация кольцевания орлана-белохвоста в Пухту.
Окольцованная птица неохотно взлетела только после усилий Э.В.Кумари.

Слева – Март Никлус (1934), Янис Вискне (1936-2015) и Ю.А.Исаков.
Справа – Э.Тауриньш, Ю.А.Исаков и руководитель Центра кольцевания птиц
Т.П.Шеварева (1925-1971).

Пухтуская биологическая станция была основана Институтом зоологии Эстонской ССР в 1949 году на месте бывшего немецкого поместья, которое до аграрной реформы 1918 года принадлежало балтий-

ско-немецкому биологу Якобу фон Икскюлю (Jakob Johann von Uexküll, 1864-1944). С 1953 года там проводились орнитологические исследования, к тому времени эта была единственная в Советском Союзе станция по изучению миграций птиц на Балтике. На момент проведения конференции станция не имела штата работников и ограничивалась лишь незначительным материальным обеспечением, отсутствовали также технические средства для отлова птиц и изучения миграции. В периоды миграции птиц некоторые работники института там проводили свои исследования. Как в своих воспоминаниях отметил латышский орнитолог Я.Виксне (Vikсне 2005), даже обеспечение места проживания и проведения локальных стационарных работ уже было хорошим уровнем в трудное послевоенное время. Осенью 1954 года, по решению этой конференции, была организована сеть наблюдателей в Эстонии (9 человек) и в Литве (2 человека), проводивших наблюдения над миграцией птиц в определённых пунктах по единой методике.

Лидеры прибалтийской орнитологии – эстонец Эрик Кумари, литовец Тадас Иванускас и латыш Эгонс Тауриньш во время экскурсии.

Решения и труды конференции

В июле 1954 года в Таллине отдельным изданием опубликованы решения конференции (6 страниц, тираж 600 экз.). Через два с половиной года – в начале 1957 года в Москве в издательстве АН СССР были опубликованы труды конференции (427 страниц, тираж 1200 экз.) под редакцией Э.В.Кумари (ответственный редактор), С.Х.Онно, профессора И.Я.Пийпера, канд.биол.наук С.Я.Тальтс (1901-1957), действительного члена АН Эстонской ССР Х.М.Хабермана.

Необходимо отметить, что два пункта решений этой конференции были реализованы в течении двух последующих лет.

1. Признать, что настоящая Вторая Прибалтийская орнитологическая конференция как по составу участников, так и по широте рассмотренных вопросов значительно вышла за пределы региональных

интересов и в вопросах развития орнитологии имеет всесоюзное значение, что указывает на насущную необходимость проведения всесоюзных встреч орнитологов. Просить Президиум Академии наук СССР созвать общесоюзную орнитологическую конференцию в Москве или Ленинграде в 1955 году, приурочив её к дате 20-летия со дня смерти М.А.Мензбира. Созыв конференции поручить Зоологическому институту АН СССР (Л.А.Портенко). Конференция была организована и прошла 20-24 января 1956 года в Ленинграде, в ней приняли участие 292 человека.

2. Поднять перед правительством Союза ССР вопрос о восстановлении работы по изучению перелётов птиц в районе бывшей Росситтенской орнитологической станции на Куршской косе или на Куршском заливе. Весной 1956 года станция начала свою работу под руководством Л.О.Белопольского.

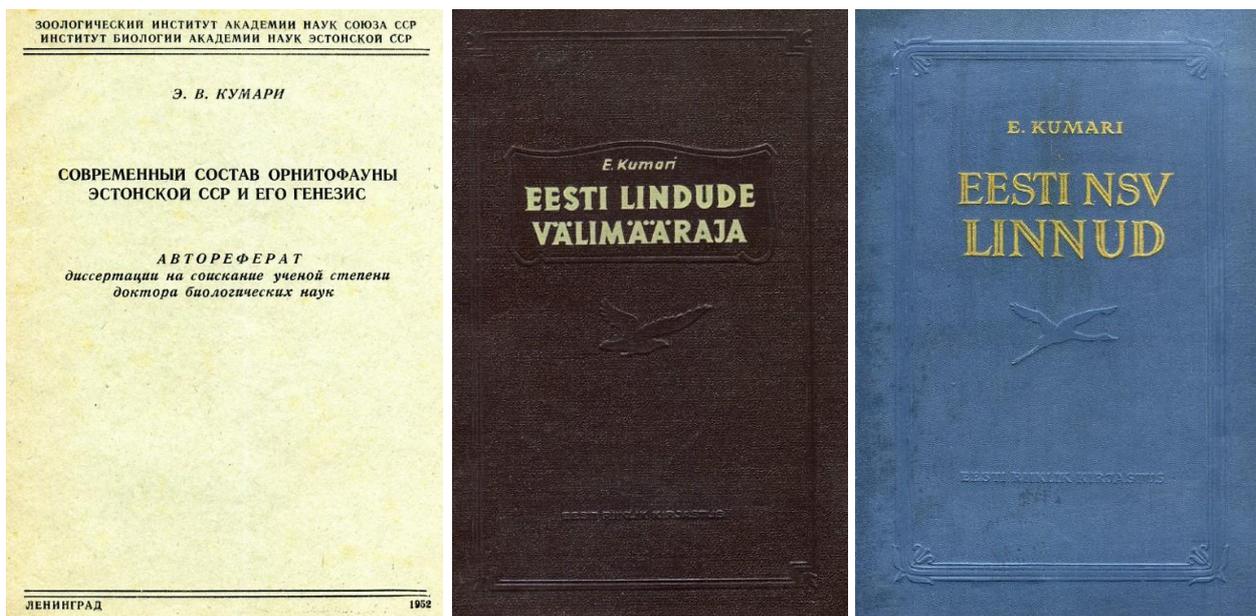

Обложки изданий Решений и Трудов
Второй прибалтийской орнитологической конференции

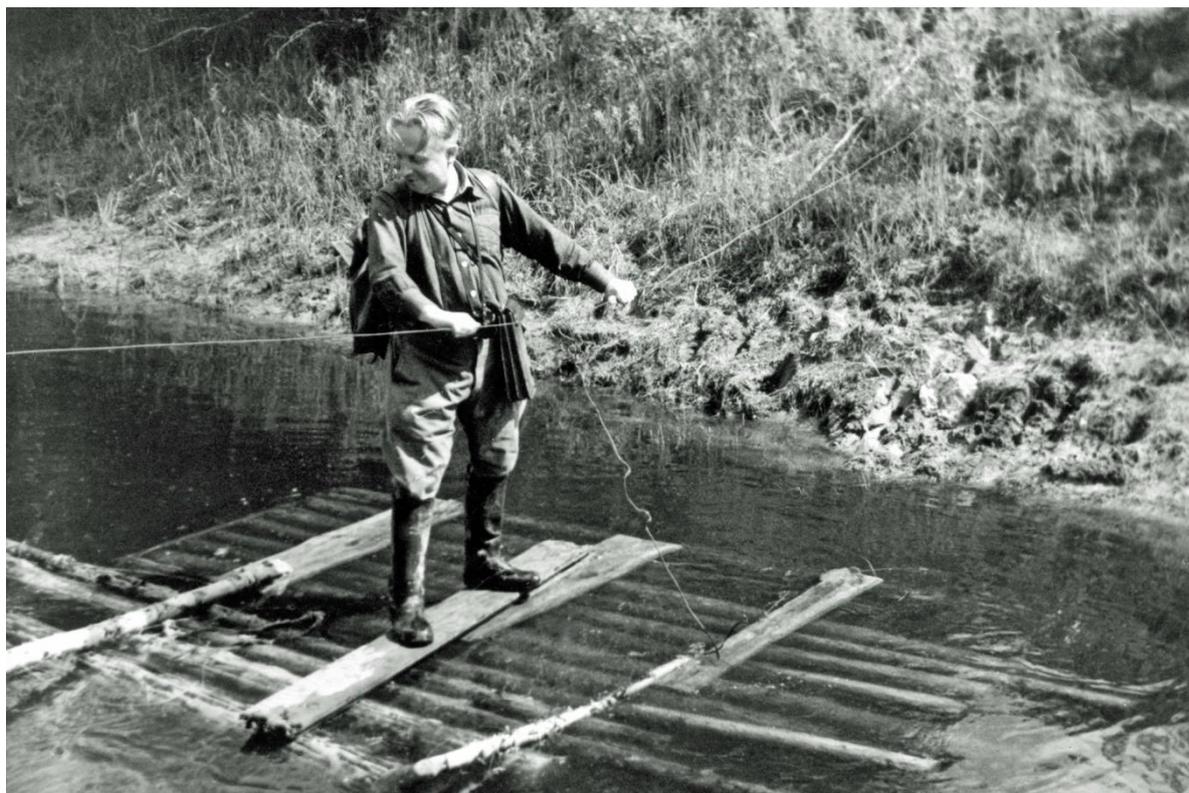
Деятельность Эрика Кумари

На этой конференции возшла звезда орнитолога Эрика Кумари как хорошего организатора, исследователя и публициста. Фактически он стал не только лидером эстонских орнитологов, но и всех прибалтийских, во многом благодаря своей трудоспособности и целеустремлённости. В 1952 году в Зоологическом институте Академии наук СССР в Ленинграде он защитил диссертацию «Современный состав орнитофауны Эстонской ССР и его генезис» на соискание учёной степени доктора биологических наук. В 1953 году был издан его полевой определитель

тель птиц Эстонии (на эстонском языке, в последующие годы переиздавался в 1959, 1974 и 1984 годах), а осенью 1954 года – монография «Птицы Эстонской ССР».

Обложка автореферата диссертации (1952 год), обложка определителя птиц Эстонии (1-е издание, 1953 год, тираж 5000 экз.) и обложка монографии по птицам Эстонии (1954 год, 414 стр., тираж 5000 экз.)

Эрик Кумари на плоту пересекает реку Абайне (северная Латвия) во время совместной эстонско-латышской экспедиции по болотам северо-востока Латвии. 4 июня 1954. Фото Э.Тауриньша.

В последующие годы Э.Кумари организовал проведение в Эстонии V (1963, Тарту), VIII (1972, Таллин) и XI (1983, Таллин) Прибалтийских орнитологических конференций. В марте 1955 года в Тарту он ор-

ганизовал созыв совещания по вопросам изучения миграций птиц в Прибалтике, по результатам которой была образована Прибалтийская комиссия по изучению миграций птиц, регулярно собиравшееся на пленарные заседания в разных местах, в основном на орнитологических стационарах. Вплоть до своей смерти, в течение 29 лет он был председателем этой комиссии и редактором сборников статей этой комиссии (всего под его редакцией с 1960 по 1985 год опубликовано 18 сборников). В октябре 1974 года по решению этой комиссии в Таллинне прошла международная конференция по изучению миграций и охраны перелётных птиц Балтийского бассейна, в последствии названная «Baltic Birds I» (седьмая и последняя конференция прошла в 1993 году в Паланге).

Тридцать лет связывала дружба Эрика Кумари с латышским орнитологом Карлисом Вилксом (1900-1993). Стренчи, Латвия. 27 мая 1953. Фото Э.Тауриньша.

Автор благодарит историка орнитологии Евгения Эдуардовича Шергалина за ценные замечания и комментарии к этой статье.

Л и т е р а т у р а

- Дементьев Г.П., Кумари Э.В., Шапошников Л.К. 1955. Работы советских орнитологов к итогам Второй Прибалтийской орнитологической конференции // *Природа* 1: 67-69.
- Матрозис Р. 2018. К истории созыва Первой Прибалтийской орнитологической конференции в Риге в апреле 1954 года // *Рус. орнитол. журн.* 27 (1658): 4129-4155.
- Anon. 1954. Teine Baltimaade ornitoloogiline konvergens // *ENSV TA Toim.* 3 (2): 316-317, 326-327.
- Kumari E. 1957. The Second Ornithological Conference of the Baltic Republics // *Ring* 12: 261-262.
- Vīksne J. 2005. Otrā Baltijas Ornitologu konference. Tallina, 15-21.05.1954 // *Putni dabā* 15, 2: 31-32.

ISSN 1026-5627

Русский орнитологический журнал 2020, Том 29, Экспресс-выпуск 1901: 1276-1286

К теории пролётных путей и миграции широким фронтом

Э.В.Кумари

*Второе издание. Первая публикация в 1957**

Уже с давних времён исследователей интересует вопрос, следуют ли птицы при своей миграции узкими пролётными путями или же летят широким фронтом. Вопрос остаётся актуальным и в наши дни, хотя в результате кольцевания птиц значительно прояснились детали миграций отдельных видов. Область Балтийского моря представляет собой очень удобное место для изучения перелёта. Птицы изучались здесь в течение долгого времени, исследования же миграций имеют более чем столетнюю давность, причём теоретические вопросы миграции интенсивно разрабатывались прибалтийскими орнитологами.

Теории пролётных путей начали оформляться во второй половине XIX века, однако впервые более основательно они были разработаны в докторской диссертации финского орнитолога Пальмена в 1874 году. После второго издания этой работы (1876) теория пролётных путей получила широкую известность и вызвала оживлённую полемику между немецким орнитологом Гомейером (1881) и Пальменом (1882). В 1886 году эта теория была значительно дополнена М.А.Мензбиром (1886). Впоследствии, в период подготовки ко Второму международному орни-

* Кумари Э.В. 1957. К теории пролётных путей и миграции широким фронтом // *Тр. 2-й Прибалт. орнитол. конф.* М.: 4-12.

тологическому съезду, Пальмен (1891) ещё раз вкратце изложил основные положения теории пролётных путей.

Теория пролётных путей Пальмена основана на изучении миграций 19 видов северных морских и прибрежных птиц. Он развивает мысль, что для выяснения пролётных путей следует изучить пролётный путь каждого вида в отдельности. Для этого надо соединить одной линией все точки, где данный вид встречается во время пролёта. Понятие «пролётный путь» Пальмен определяет следующим образом: «При своих миграциях между областями гнездования и зимовок изученные до сих пор виды птиц не перелетают беспорядочно в любых направлениях и через любые местности; в течение всей миграции они также не придерживаются одной и той же страны света. Наоборот, – они перелетают вдоль определённых путей, являющихся географически ограниченными и проходящими из северных гнездовых областей в южные области зимовок в виде самых различных изгибов. В местностях, находящихся возле и между этими путями, эти птицы, как правило, не пролетают вовсе».

Свою классификацию пролётных путей Пальмен строит на экологической основе и разделяет пролётные пути на следующие основные группы: 1) океаническо-береговые (пелаго-литоральные), 2) ледниково-береговые (гляциально-литоральные), 3) приморско-береговые (марино-литоральные), 4) субмаринолиторальные (по этим четырём путям перелетают птицы беломорско-балтийского направления), 5) речные-береговые (флювио-литоральные) и 6) болотные. По этим океаническим, береговым и болотным путям перелетают водяные птицы. Все остальные виды принадлежат к сухопутным перелётным птицам, установить пролётные пути которых Пальмен даже не пытался. Тем не менее, он предполагает, что и сухопутные птицы при своих миграциях летят по относительно устойчивым и регулярно посещаемым постоянным пролётным путям.

Как видно из этой трактовки, отдельные пролётные пути изолированы, и перелёт птиц с одного пролётного пути на другой невозможен. Между пролётными путями находятся широкие полосы территорий, где птицы не пролетают вовсе или же пролетают весьма нерегулярно. На местах, где перекрывают друг друга или пересекаются пролётные пути многих видов, наблюдается массовый пролёт. Однако таких магистралей не так уж много, и понятие «пролётный путь» Пальмена в первоначальном виде – это путь отдельного вида. Таковы вкратце представления Пальмена о миграции птиц. Отвечая Гомейеру, он (1882) в основном и защищает эти положения.

В дальнейшем Пальмен (1891) уточняет некоторые понятия и приводит новое определение пролётного пути: «Во время перелёта птицы не используют любые направления и не везде летят в том же направ-

лении – в «общем направлении перелёта». Они гораздо чаще следуют совершенно определёнными, географически ограниченными путями, изгибы которых прежде всего обусловлены топографическими условиями каждой местности». Как видно, новое определение пролётного пути в большей степени учитывает особенности ландшафта, над которым летят птицы.

Пальмен особенно подчёркивает, что изучение миграций птиц в первую очередь должно быть отнесено к области зоогеографии. Орнитофенологическим наблюдениям он отводит лишь подсобное значение, так как, по его мнению, основной материал для изучения миграций птиц должны давать наблюдения орнитофаунистические. Пальмен высоко оценивает исследования Н.А.Северцова (1880) и М.А.Мензбира (1886), так как последние тоже придают большое значение физико-географическим (топографическим) условиям перелёта птиц. Однако он берёт под сомнение реальность континентальных пролётных путей М.А.Мензбира.

Одновременно с работами Пальмена в области Прибалтики исследования в Средней Азии проводил Н.А.Северцов (1880). Он также был сторонником теории пролётных путей, понимая под этим термином массовые скопления особей разных видов во время пролёта на узких полосах земли. Возникновение таких узких путей пролёта в большой степени зависит от физико-географических условий местности: пролёт происходит вдоль горных хребтов (Тянь-Шань), вдоль цепей степных водоёмов (Киргизские степи) и т.д. Поэтому и направления пролёта в одной и той же области могут быть различными (различные пролётные пути). Н.А.Северцов сделал замечательное наблюдение, заключающееся в том, что на западном крае Тянь-Шаня скопляются большие массы пролётных птиц, а севернее и южнее его пролёт протекает рассеянно.

Ценный вклад в дело развития теории миграций сделал М.А.Мензбир (1886, 1934). Он также трактует многие вопросы миграции с точки зрения классической зоогеографии. Своё отношение к теории Пальмена и других исследователей он выражает следующими словами: «До известной степени я считаю себя продолжателем работы Пальмена, но позволяю себе прибавить, что я поставил ряд вопросов, или совсем не затронутых Пальменом, или затронутых только мельком. Так, я гораздо подробнее разработал вопрос о категориях пролётных путей; о самом существовании пролётных путей в противовес тем учёным, которые защищают перелёты широким фронтом; о развитии перелётов из эмиграций и пролётных путей из путей расселения и многие другие». М.А.Мензбир, в частности, был противником теории миграции широким фронтом, в том числе и положений, высказанных Кесслером (1853). Четыре основных пролётных пути он наименовал: норвежским, балтийским, понтийским (или черноморским) и каспийским. Если все на-

званные выше пролётные пути располагаются вдоль водных рубежей и являются, таким образом, экологическими, то три выделенных Мензбиром континентальных пути, по его мнению, не зависят от орографических условий и являются историческими (бывшие пути расселения). Не безынтересно отметить, что представления о пролётных путях как о путях бывшего расселения возникли у Мензбира, Пальмена и Зибоме одновременно и независимо друг от друга.

М.А.Мензбир оценил по достоинству работы Пальмена, однако сделал существенные поправки к его классификации путей пролёта, так как Пальмен не знал достаточно хорошо условий миграций в Европейской России. Понятие же «пролётный путь» Мензбир определяет так: «Каждый вид перелетает по своему собственному пути, и то, что биологи называют пролётным путём, является лишь совпадением пролётных путей отдельных видов на протяжении более или менее длинных их отрезков». Из этого видно, что М.А.Мензбир представлял себе пролётные пути в природе как массовые скопления особей разных видов на общих магистралях.

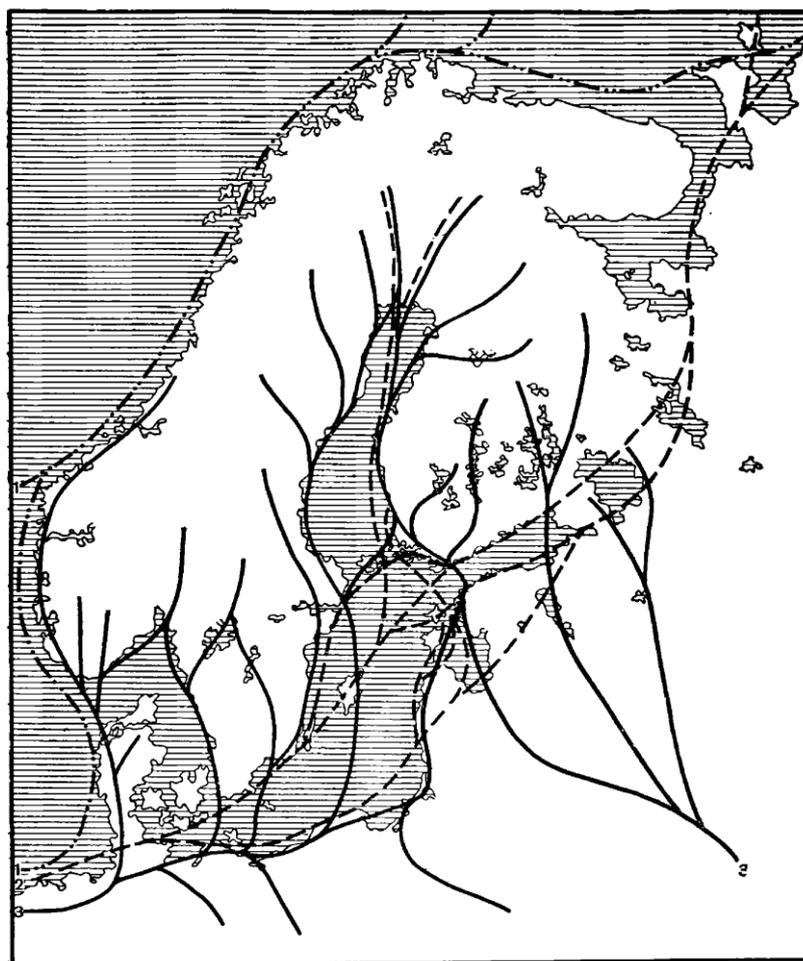

Схема пролётных путей Пальмена–Мензбира в области Балтики.

- 1 – норвежский путь (*via norvegica*) по Мензбиру (пелаго-литоральные пролётные пути по Пальмену);
 2 – балтийский путь (*via baltica*) по Мензбиру (марино-литоральные и субмарино-литоральные пролётные пути по Пальмену); 3 – черноморские пути (*viae ponticae*) по Мензбиру (флювио-литоральные пролётные пути по Пальмену).

Разветвления пролётных путей через Прибалтику (см. рисунок) в схемах Пальмена и Мензбира почти совпадают, во всяком случае, существенных различий в их начертании нет. Схему пролётных путей палеарктических птиц Пальмена–Мензбира можно назвать классической. Работы обоих авторов пробудили интерес к вопросам изучения миграций птиц и способствовали развитию дальнейших исследований.

Часть исследователей, работавших позднее в области Балтийского моря, должна быть отнесена к приверженцам пролётных путей. Так, Гроссе (1927) использует схему Пальмена–Мензбира для объяснения пролёта птиц через Латвию. По наблюдениям Тинемана (1928), валовой пролёт многих видов идёт вдоль Курской косы (Росситтен) по узкой полосе суши.

В первых своих работах по миграции птиц в Финляндии Хортлинг (1925) ещё является сторонником теории пролётных путей. После наблюдений за миграцией птиц в юго-западной и средней Финляндии (в 1927 году и позднее) он должен был оговориться, что многие виды северных куликов, отнесённых в списках Пальмена к типичным перелётным птицам морского побережья, в действительности пролетают через всю территорию Финляндии. Перелёты многих видов птиц широким фронтом через всю страну подтверждены также рядом позднейших работ финских орнитологов. В итоге Вяликангас (1946) подверг критическому пересмотру положения Пальмена и установил, что пролётные пути остаются в силе для многих водяных и прибрежных птиц, в то время как воробьиные летят широким фронтом и только локально скопляются на «направляющих линиях» вдоль побережий моря, берегов внутренних водоёмов, рек и горных цепей.

Из советских орнитологов вопросами характера пролёта много занимался А.Я.Тугаринов (1930, 1949, 1952). Он является сторонником теории пролётных путей (пролётных направлений) и даже даёт достаточно подробную их зарисовку на карте. Через области Балтики проходит большой реликтовый беломорско-балтийский пролётный путь, получивший своё начало ещё в период Иольдиевого моря, когда Балтийское море, как предполагают, было соединено с Белым. По этому пути мигрируют многие северные, в том числе арктические, морские и прибрежные птицы. В последнее время А.В.Михеев (1953), на основе своих наблюдений, также предполагает существование берегового пролётного пути на европейском севере.

Однако параллельно с развитием представлений о пролётных путях начали оформляться и представления о миграции птиц широким фронтом. Основоположником теории миграции широким фронтом следует считать профессора Киевского университета К.Ф. Кесслера (1853). Он заметил, что внутри континента птицы перелетают рассыпным строем. И, например, такое хорошо выраженное ландшафтное образо-

вание, как долина Днестра, не побуждает даже болотных и водяных птиц следовать его течению. Господствующим направлением весеннего перелёта в Западной России является направление с юго-запада на северо-восток. Немецкий орнитолог Гомейер (1881) не признает существования пролётных путей. По его мнению, такие не соответствующие действительности представления возникают лишь вследствие того, что орнитологи соединяют линией места остановок птиц на пролёте, создавая воображаемые пути. Этот автор, в частности, не признаёт и существования береговых путей Пальмена. Сторонником теории миграции широким фронтом является и венгерский орнитолог Герман (1905). Его выводы основаны на многочисленном материале орнитофенологических наблюдений. Он обращает внимание на то, что пролётные пути, по Пальмену, часто проходят через такие местности, в которых вообще никем не производилось орнитологических наблюдений, и, следовательно, существование этих путей должно быть в высшей степени гипотетическим.

Гэтке (1891), производивший в течение полувека наблюдения на Гельголанде, не смог установить никаких пролётных путей. На Северном море пролёт птиц происходит по всей его ширине. Интересные соображения о пролёте птиц над Гельголандом высказал Вейгольд (1924). Он признаёт существование только приморских пролётных путей; один из них – путь вдоль северо-западного побережья Скандинавского полуострова, отчасти соприкасающийся с Гельголандом. Тем не менее, главная масса птиц попадает на Гельголанд не отсюда, а из южной Скандинавии и западной Финляндии, летя широким фронтом с северо-востока, что подтверждается всеми данными кольцевания. Следует учитывать, что к Гельголанду птиц привлекает свет маяка. Гельголандский и росситтенский пролёты почти никакого сообщения между собой не имеют, и лишь самая ничтожная часть морских птиц пересекает оба эти пункта. Вейгольд предлагает заменить понятие «пролётный путь» понятием «область пролёта».

Высказывания Вейгольда послужили в известной степени предпосылкой теории Гейра (1929 и позднее), который для многих известных до сих пор фактов предлагает новую терминологию. Основные положения Гейра сводятся к следующему. Понятие «пролётный путь» слишком неопределённо, ибо одни исследователи подразумевают под этим термином сам пролёт, другие же – местность, через которую происходит пролёт. В действительности есть узкий фронт («пролётный путь»), когда птицы летят скученно по длинной и узкой территории, и широкий фронт, когда они рассеиваются на пролёте по всей области. Границы между обоими видами пролёта не резкие. По мнению Гейра, пролётный путь видеть невозможно, так как это абстракция. Но в природе действительно существуют направляющие линии: «...это узкие и удли-

нённые географическо-топографические образования земной коры, особые свойства которых побуждают перелётных птиц им следовать. Они влияют на птиц при выборе ими путей пролёта и, следовательно, до известной степени направляют их». Эти линии связаны с водными пространствами – побережьями, полуостровами, цепями островов и долинами рек. Для сухопутных птиц долины рек как направляющие линии всё же не имеют большого значения, за исключением пролёта в горах, где, кроме них, птиц направляют и горные хребты. Однако, несмотря на всё это, направляющие линии, по Гейру, имеют ограниченное значение, так как в подавляющем большинстве случаев птицы летят широким фронтом. В противоположность узкому фронту («пролётному пути») широкий фронт и направляющие линии существуют конкретно. «Путём пролёта» в прямом смысле можно назвать только индивидуальный путь одной особи, проделанный от гнездовой области к зимовке. Гейр предлагает и разные другие новые термины, рассматривать которые здесь излишне.

Курскую косу немецкие авторы (Шюц 1930; и многие другие) считают наиболее типичной направляющей линией в области Балтики, вдоль которой и происходит массовый пролёт. Птицы прилетают широким веером из восточных частей Прибалтики, сосредотачиваются вдоль Курской косы (юго-восточная часть Балтики) и рассеиваются опять в юго-западном направлении.

Возникает вопрос, как обстоит дело с пролётными путями в области Балтики, и если они существуют, то в каком соотношении находятся с миграцией широким фронтом в той же области.

Точные наблюдения в течение длительного времени в различных пунктах Прибалтийской области подтверждают отсутствие здесь линейных пролётных путей. Птицы, направляясь с северо-востока на юго-запад и обратно, пересекают прибалтийскую сушу широким фронтом по всей ширине этой области. Однако в определённых местах скапливается много мелких воробьиных птиц, и они летят некоторое время узкими полосами по «направляющим линиям» Гейра, проходящим, в частности, вдоль водных рубежей (морское побережье и берега крупных озёр). Эти линии возникают и исчезают с изменением ландшафта. Такие временные скопления птиц по существу не идентичны ни видовым пролётным путям Пальмена, ни массовым пролётным путям Мензбира, обладающим, согласно этим авторам, большой протяжённостью. Однако к ним подходит классическое определение пролётных путей, так как эти временные скопления на узком пространстве множества птиц, летящих в одном направлении, связаны с топографией местности. Таким образом, нам кажется излишним новый термин «направляющая линия» Гейра, ибо и старый термин с уточнённым содержанием отражает характер пролёта.

Новейшие исследования, во всяком случае, отрицают существование линейнообразных непрерывных пролётных путей через всю Прибалтику, как они изображены на схеме Пальмена–Мензбира. Птицы регулярно летят везде между «путями», и обнаружить эти пути в тех местах, где они нанесены на карте, почти никогда не удаётся. В равнинном ландшафте, не отличающемся большим разнообразием рельефа или другими резко выделяющимися ландшафтными образованиями, пролёт птиц протекает равномерно.

Другую категорию составляют морские и прибрежные птицы – объект изучения Пальмена. Вряд ли и эти птицы придерживаются тех узко ограниченных пролётных линий, которые намечает для них Пальмен. Однако общее направление их пролёта вдоль берегов и прибрежных вод, установленное Пальменом и Мензбиром, правильно. Главная масса морских птиц осенью летит с Белого моря на Финский залив и отсюда – в центральную часть Балтийского моря, а весной – в обратном направлении. Часть этих видов залетает регулярно на внутренние водоёмы, и, таким образом, подтверждается, что наша приморская территория со своей извилистой береговой линией и множеством внутренних водоёмов способствует пролёту птиц широким фронтом на значительной части пути. Это относится, в частности, почти ко всем уткам и куликам. Только виды, тесно связанные с морем (казарки, гаги, чистиковые птицы, поморники и др.) редко попадают на внутренние водоёмы.

Что же следует понимать под термином «пролётный путь» и чем обусловлено скопление пролетающих птиц на сравнительно узких полосах земли или воды?

Как мы видели, понятие «пролётный путь» в первоначальном, пальменовском значении употреблялось для обозначения пути отдельного вида. Широко известным примером, иллюстрирующим явления этого рода, могут служить пролётные пути средневропейского белого аиста. Установлено, что вся популяция белого аиста, гнездящегося восточнее реки Везер, перелетает на зимовку одним путём, а гнездящиеся западнее белые аисты используют для миграции другой путь. Ширина каждого из этих путей равняется многим сотням километров.

Некоторые авторы применяют «путь пролёта» исключительно к пути одной особи. В таком случае пролётный путь представляет собой непрерывную цепь пунктов, через которые данная особь пролетала во время миграции. Кольцевание способствует установлению таких путей, однако только мечением цветными кольцами или окраской птиц можно получить достаточно надёжные данные. До сих пор пути пролёта отдельных определённых особей ещё весьма мало известны.

Наконец, подавляющее большинство исследователей, в том числе и русские, употребляют понятие «пролётный путь» для обозначения про-

лёта многих особей многих видов в одной и той же местности. «Направляющие линии» Гейра также являются не чем иным, как модификацией термина «пролётные пути». Обычно массовое скопление птиц на перелёте на узких полосах земной поверхности повторяется из года в год в одной и той же местности, а некоторые из этих «путей» известны человечеству очень давно. Следовательно, пролётные пути привлекают птиц и трудно допустить, что это явление не имеет веских экологических причин. Внутри континента, например в степи (Долгушин 1949), наблюдается то же, что и в условиях Прибалтики. Пролётные пути («узкий фронт» Гейра) не абстракция, а действительно существуют в природе. Пролётных путей без птиц нет, а поэтому бессмысленно говорить об образованиях земной коры – о направляющих линиях – как о реальности и противопоставлять это понятие пролётным путям как нечто новое.

В последнее время исследователи миграций даже в таких областях, где пролёт происходит исключительно широким фронтом, например на Гельголанде (Дрост 1951), уже не возражают против существования и другого вида пролёта. Пролётные пути не следует понимать только в виде узких непрерывных линий, пролегающих якобы через большие пространства, например с одного материка на другой. Пути обусловлены экологическими требованиями вида, а так как в природе не существует однообразных ландшафтных условий на всём протяжении «линий» Пальмена–Мензбира, то таких линейных путей тоже не может существовать. А.Я.Тугаринов (1949) правильно отмечает, что ландшафт и связанные с ним биотопы определяют прокладываемую птицами воздушную трассу. А если это так, то и пролётные пути в природе должны иметь прерывистый характер, что мы и наблюдаем.

Что касается пролёта птиц широким фронтом, то этот вид миграции, без сомнения, преобладает. В равнинных областях с единообразными ландшафтными условиями миграция широким фронтом должна бы быть даже единственным видом перелёта. В Прибалтике по мере удаления от морского побережья «пролётные пути» исчезают и заменяются миграцией широким фронтом.

Чем же обусловлены оба эти явления: существование пролётных путей и миграции широким фронтом?

При миграции широким фронтом птицы в области Балтики летят в совершенно определённых направлениях – осенью на юго-запад, весной – на северо-восток. На пролётных путях такого постоянства нет, и птицы нередко могут взять необычное для данного сезона направление. Постоянство направлений при миграции широким фронтом указывает на то, что птицы в этом случае не связаны с ландшафтом. Если они продолжительное время летят довольно высоко, то при постоянном направлении пролёта пересекают самые разные ландшафты и биотопы.

Вспомним безостановочный полёт пролётных стай серых журавлей над полями, лугами и лесами, полёт стай полевых жаворонков над обширными лесами, полёт белой трясогузки над открытым морем и т.д. Даже такие лесные виды, как зяблик, большой пёстрый дятел и кукушка, нередко появляются на пролёте в совершенно открытом ландшафте – над безлесными островами Балтики, над обширными открытыми верховыми болотами и т.д. Следовательно, миграция широким фронтом может происходить вне всяких экологических русел, иначе она вряд ли имела бы такие постоянные направления полёта.

Таким образом, мы приходим к заключению, что в Прибалтике птицы в большинстве случаев летят широким фронтом. Даже водяные (утки) и прибрежные птицы (кулики), связанные при остановках внутри страны с водоёмами, в действительности летят широким фронтом над всей территорией. Не следует повторять старой ошибки, соединяя места остановок птиц линией и делая отсюда заключение о «пролётных путях».

При дальнейшем изучении миграций мы должны принимать во внимание следующее.

Во-первых, характер миграции следует изучать в природе при помощи непосредственных наблюдений. Пролёт птиц в каждой местности происходит по-разному, и не существует двух местностей, в которых он происходил бы совершенно тождественно. Это касается как видового состава мигрантов, так и количества особей и распределения их по территории.

Во-вторых, для характеристики миграций одинаково важны и положительные, и отрицательные данные. Чтобы делать правильные заключения, надо собрать громадное количество фактов за ряд лет в одной и той же местности. Отсутствие сравнительных и именно количественных данных не позволяет пока обрисовать полностью зоогеографическую картину миграций во всей Палеарктике.

В-третьих, не следует слишком схематизировать полученные данные. Нужно не противопоставлять пролётные пути миграции широким фронтом, а выяснять особенности и характер полёта в каждой местности.

И, наконец, надо гораздо больше обращать внимания на разработку теории миграции птиц вообще. Путь для достижения этой цели – объединение данных непосредственных наблюдений с материалами кольцевания и экспериментами физиологического и экологического порядка.

Л и т е р а т у р а

- Долгушин И.А. 1949. Миграции птиц в Казахстане // *Изв. АН СССР. Сер. биол.* 1: 71-82.
Мензбир М.А. 1934. *Миграции птиц с зоогеографической точки зрения.* М.; Л.: 1-111.

- Михеев А.В. 1953. Материалы к изучению перелётов птиц в СССР // *Учён. зап. Моск. пед. ин-та им. Ленина* **74**: 113-146.
- Тугаринов А.Я. 1930. Миграция птиц северной Азии // *Природа* **19**, 5: 507-544.
- Тугаринов А.Я. 1949. Современное состояние учения о сезонных миграциях птиц // *Изв. АН СССР. Сер. биол.* 1: 7-29.
- Тугаринов А.Я. 1952. Пути перелётов птиц как свидетельство былых ландшафтов и территориальных связей // *Зоол. журн.* **31**, 5: 700-713.
- Drost R. 1951. Study of bird migration 1938-1950 // *Proc. 10th Intern. Ornithol. Congr.* Uppsala.
- Gätke H. 1891. *Die Vogelwarte Helgoland*. Braunschweig.
- Geyr H. 1929. «Zugstrassen» – Leitlinien // *J. Ornithol.* **77**. Festschr. Ernst Harter.
- Grosse A. 1927. Vogelzugbeobachtungen // *Korr.-Bl. d. Nat.-Ver. zu Riga* **59**.
- Herman O. 1905. *Recensio critica automatica of the doctrine of bird-migration*. Budapest.
- Homeyer E.F. 1881. *Die Wanderungen der Vogel mit Rücksicht auf die Züge der Säugetiere, Fische und Insekten*. Leipzig.
- Hortling J. 1925. Finnland als ornithologisches Hinterland Westeuropas // *C. R. de Congr. int. pour l'étude et la protect, des oiseaux*. Luxembourg.
- Hortling J. 1927. *Das Vogelleben bei Ytterö im Sommer und Herbst 1926*. Helsingfors.
- Kessler K. 1853. Einige Beiträge zur Wanderungsgeschichte der Zugvögel // *Bull. Soc. Nat. Moscou* **26**.
- Lucanus F. 1923. *Die Rätsel des Vogelzuges*. Langensalza.
- Menzbier M. 1886. Die Zugstrassen der Vögel im europaeischen Russland // *Bull. Soc. Nat. Moscou* **62**, 1: 291-369.
- Palmen J.A. 1874. *Om faglarnes flyttningsvägar*. Helsingfors.
- Palmen J.A. 1876. *Über die Zugstrassen der Vögel*. Leipzig.
- Palmen J.A. 1882. *Antwort an Herrn E.F. von Homeyer bezüglich der «Zugstrassen der Vögel»*. Helsingfors; Leipzig.
- Palmen J.A. 1891. Referat über den Stand der Kenntnis des Vogelzuges // *Vorlage für den 2nd Intern. Ornithol. Congr. in Budapest 1891*. Helsingfors.
- Schüz E. 1930. Die Bedeutung der Kurischen Nehrung als Leitlinie des Vogelzuges // *Proc. 7th Intern. Ornithol. Congr.* Amsterdam.
- Severtzow N. 1880. Etudes sur le passage des oiseaux dans l'Asie centrale // *Bull. Soc. Nat. Moscou* **55**, 2.
- Thienemann J. 1928. *Rossitten. Drei Jahrzehnte auf der Kurischen Nehrung*. Neudamm.
- Välikangas J. 1946. J.A.Palmen's theories on migratory routes of birds in the light of later, especially Finnish, observations and results of ring-marking // *Ann. Soc. Sci. Fenn.* **24**: 1-34.
- Weigold H. 1924. Berühren Vogelzug Strassen Helgoland und welche? Ist etwa der Leuchte turm allein die Ursache der Existenz dieser Strassen? // *Aquila* **30/31**.

Роль стихийных бедствий в динамике численности птиц в Казахстане

А.А.Слудский

Второе издание. Первая публикация в 1965*

По нашим 30-летним наблюдениям в Казахстане и литературным данным, изменения численности и пульсации ареалов у многих птиц вызываются стихийными бедствиями, охватывающими иногда огромные пространства. Это основной фактор; другие причины: урожайность кормов, эпизоотии, враги и т.д., – имеют второстепенное значение.

На численность и распространение растительноядных оседлых и зимующих птиц огромное влияние оказывают необычайно суровые зимы, отличающиеся высоким снежным покровом, настами и гололёдами. Птицы быстро истощаются, теряя до 50% веса, слабеют, а нередко и гибнут от голода, переохлаждения и хищников. В суровые зимы особенно сильно страдают фазаны *Phasianus colchicus*, кеклики *Alectoris chukar*, серые *Perdix perdix* и бородатые *P. dauurica* куропатки, дрофы *Otis tarda*, тростниковые овсянки *Emberiza schoeniclus* северных подвидов и многие другие.

В XVIII веке фазан по долине реки Урал гнезился на север до крепости Татищево, но позднее исчез совершенно, как и на северном побережье Каспия, по-видимому, в суровые зимы 1826/27 и 1848/49 годов. В дельте реки Волги численность фазанов резко снижалась в зиму 1875/76 года. В низовьях реки Тургай (в Таупе) и на северном побережье Аральского моря фазан исчез после зимы 1879/80 года. В бассейне Сырдарьи масса фазанов погибла в зимы 1871/72, 1879/80, 1891/92, 1917/18, 1927/28, 1944/45, 1945/46, 1948/49, 1949/50, 1950/51, 1956/57, 1963/64 годов. В Балхаш-Алакульской котловине, в Чуйской долине и в Иссык-Кульской котловине гибель этой птицы отмечена в 1886/87, 1889/90, 1894/95, 1929/30, 1930/31, 1944/45, 1945/46, 1950/51, 1953/54, частично в 1963/64 годах. В 1950/51 году фазан совершенно исчез в горных группах Джамбыл и Байгара (Чу-Илийские горы), а в 1955 году появился вновь. В Алакульской котловине и в предгорьях Джунгарского Алатау фазан то появляется, то исчезает в суровые зимы. После большого перерыва фазан стал встречаться в середине 1930-х годов, и численность его росла до зимы 1945/46 года, когда эта птица вымерла полностью. Единичные фазаны вновь появились в 1947 году. В

* Слудский А.А. 1965. Роль стихийных бедствий в динамике численности птиц в Казахстане // *Новости орнитологии: Материалы 4-й Всесоюз. орнитол. конф.* Алма-Ата: 348-351.

середине XIX века во время суровых зим фазан вымер на Тарбагатае и в Зайсанской котловине. В малоблагоприятных для обитания районах в многоснежные зимы он исчезает совершенно, в оптимальных же условиях его численность снижается в 2-5 раз и обычно уже через два-три года восстанавливается.

Массовая гибель кекликов и бородатых куропаток в горах юго-востока Казахстана отмечалась в зимы 1918/19, 1929/30, а по всему югу Казахстана и северной Киргизии в 1943/44, 1944/45, 1950/51, 1953/54 годах. В Западном Тянь-Шане (включая Каратау) кеклики в большом количестве гибли в зимы 1945/46, 1946/47, 1948/49 и 1949/50 годов. В позднюю весну 1949 года в Заилийском Алатау погибло много кладок от замерзания, а в урочище Бортогой большое количество кекликов пало в зиму 1947/48 года во время сильного гололёда. В суровые зимы численность этой птицы сокращается в 2-10 раз, а на северных окраинах ареала она вымирает совершенно (Мугоджары, горы Джамбыл и Байгора, Семейтау и др.) и вновь появляется через неопределённое время. Там, где кеклика обычно бывает много, численность его после суровых зим восстанавливается через два-три года, на Джамбыле – через пять лет.

Темнобрюхий улар *Tetraogallus himalayensis* многоснежные зимы обычно переносит, по-видимому, хорошо (ещё мало наблюдений), но в особенно суровую зиму 1944/45 года в Киргизии в верховьях Большого и Малого Аксая отмечена его гибель. Серые куропатки в Западном Казахстане были многочисленны до многоснежной зимы 1939/40 года, когда большинство их погибло. Уцелевшие куропатки исчезли в зимы 1940/41 и 1941/42 годов. Численность их начала восстанавливаться лишь в начале 1950-х годов, и обычными они стали с 1962 года. Многоснежная зима 1963/64 года вновь сильно снизила численность серых куропаток. По всей лесостепной зоне в Западной Сибири они почти вымерли в особенно многоснежные зимы 1939/40 и 1940/41 годов. В последнюю же зиму исчезли и в северной половине Казахстана. Вновь эти птицы стали там обычны лишь с 1960 года. На юге и юго-востоке Казахстана зимующие, а местами и гнездящиеся куропатки погибали в зимы 1944/45, 1945/46, 1948/49, 1950/51 и 1963/64 годов.

Белая куропатка *Lagopus lagopus major*, казалось бы, не должна страдать в многоснежные зимы, однако и её численность иногда резко падает при обилии снега. Очень высокий снежный покров частично лишает её корма, а насты не дают возможности ночевать в лунках, вырытых в снегу, или птицы погибают под толстым настом. В многоснежную и морозную зиму 1939/40 года в лесостепи Западной Сибири численность белой куропатки сократилась на 50-60%, а местами она исчезла почти совершенно (тетерев *Lyrurus tetrrix* в ту зиму почти не пострадал). В зиму 1940/41 года численность белой куропатки сильно

упала и в северной половине Казахстана. Иногда в малоснежные зимы белая куропатка откочёвывает из Казахстана на север в лесостепь Западной Сибири, где ночует в высоком снежном покрове. В очень же многоснежные зимы часть птиц отлетает на юг, доходя до Северного Прибалхашья. На Алтае, в верховьях Бухтармы, где зима обычно малоснежная и мягкая, белая куропатка *L. lagopus brevirostris* успешно зимует в зарослях альпийской берёзки. В зиму 1959/60 года высота снежного покрова достигла 2 м, и количество птиц сократилось из-за бескормицы.

В Павлодарской области в зиму 1940/41 года находили погибших в снегу тетеревов, которые не могли выбраться из лунок, покрывшихся ледяной коркой. В Северо-Казахстанской области во многих районах в начале декабря 1949 года наблюдалось массовое исчезновение тетеревов в связи с сильным уплотнением снега. Особенно много этих птиц гибнет в начале зимы, когда после дождя наступает сильный мороз. Птицы, ночующие в лунках, вмерзают в снег или не могут пробиться через ледяную корку. Массовая гибель тетеревов наблюдалась в ноябре 1928 года в Новосибирской области.

В декабре 1953 года на Южном Алтае в Верхне-Убинском районе во время оттепели шли дожди, а по утрам наблюдались морозы. Рябчики *Tetrastes bonasia*, ночевавшие в снегу, на другой день не могли пробиться через ледяную корку и массами гибли.

В мягкие зимы в междуречье Волги и Урала и во многих районах на юге Казахстана в значительном количестве зимовали дрофы, а в последнем районе и гуменники *Anser fabalis*. В многоснежные зимы эти птицы улетают за пределы республики, а дрофы иногда гибнут от истощения (зимы 1948/49 и 1950/51 годов). В суровые зимы отлетает и саджа *Syrrhaptes paradoxus*, обычно частично зимующая в северных пустынях.

В многоснежные зимы в пустынях и полупустынях Казахстана бывают джуты (массовый падёж скота, вызванный обледенением пастбищ или обильным снегопадом), и копытные животные гибнут иногда массами на огромных пространствах. На следующую весну после джута тысячами налетают белоголовые сипы *Gyps fulvus* и чёрные грифы *Aegypius monachus*. Налёты грифов после джута известны для многих районов республики вплоть до её северных границ. В 1951 году их было очень много в Бетпак-Дале и Центральном Казахстане. После джутов в Бетпак-Дале в два-три раза увеличивалось количество гнездящихся пустынных воронов.

На численности птиц Казахстана сильно отражается их массовая гибель в суровые зимы на местах зимовок в Туркмении, Иране и Закавказье, где зимует большинство наших дроф и стрепетов *Tetrax tetrax*, лысух *Fulica atra*, нырковых уток, фламинго *Phoenicopterus ro-*

seus, больших кроншнепов *Numenius arquata*, рябков и многих других птиц. Например, после тяжёлых зим 1948/49 и 1949/50 годов в Западном и Центральном Казахстане почти исчез стрепет. В эти же годы, а также после зимы 1950/51 года дрофа стала редкостью. После тяжёлых зимовок птиц на Каспии в 1924/25, 1939/40, 1948/49 и 1949/50 годах в Западном и частично Центральном Казахстане в следующие вёсны местами на 80% снизился прилёт лысух и нырковых уток, редким стал большой кроншнеп. После суровой зимы в 1956/57 году в Туркмении и Иране, на Устюрте и Мангышлаке численность чернобрюхого рябка *Pterocles orientalis* сократилась в десятки раз и не восстановилась до сих пор (1964 год).

Зная, как проходила зима, можно довольно точно прогнозировать ход зимовки птиц и изменения их численности к началу сезона размножения.

После суровых зим охоту на фазана и кеклика следует закрывать на 1-2 года, а на серых куропаток – на 5 и более лет. В случае массовой гибели казахстанских птиц на зимовках необходимо в соответствующих районах полностью закрывать весеннюю охоту и сокращать сроки осенней в течение ближайших двух-трёх охотничьих сезонов. На птиц некоторых видов охоту иногда следует прекращать совершенно.

ISSN 1026-5627

Русский орнитологический журнал 2020, Том 29, Экспресс-выпуск 1901: 1290-1291

Зависимость численности каменки-плясуньи *Oenanthe isabellina* от плотности поселения большой песчанки *Rhombomys opimus* в Мургабо-Амударьинском междуречье и Центральных Каракумах

Х.Бабаев

Второе издание. Первая публикация в 1965*

В течение нескольких лет (преимущественно весной 1962 и 1964 годов) в Мургабо-Амударьинском междуречье и Центральных Каракумах проводился учёт численности большой песчанки *Rhombomys opimus* и попутно находящихся в непосредственном контакте с ней норовых птиц.

* Бабаев Х. 1965. Зависимость численности каменки-плясуньи от плотности поселения большой песчанки в Мургабо-Амударьинском междуречье и Центральных Каракумах // *Новости орнитологии: Материалы 4-й Всесоюз. орнитол. конф.* Алма-Ата: 21-22.

Норы грызунов служат для каменок-плясуний *Oenanthe isabellina* местом гнездования. В них каменки укрываются от неблагоприятных внешних воздействий и от своих врагов. Насекомые – обитатели нор – часто служат им пищей. В Туркмении 93.7% гнёзд каменки- плясуньи располагается в норах больших песчанок (Бельская 1964).

Количественный учёт грызунов и каменок мы проводили одновременно на одних и тех же маршрутах с автомашины и при пеших экскурсиях протяжённостью более 1000 км. Кроме того, были использованы материалы по облову площадок (150 га) и колоний (450) большой песчанки, при котором учитывались все случаи попадания каменок в орудия лова, выставленные у нор грызунов.

На исследуемой территории обитает 17 видов грызунов, из которых доминирующим является большая песчанка. Каменка-плясунья в первую очередь контактирует с нею. Норы большой песчанки служат основным местом для гнездования каменки-плясуньи.

Размещение каменки-плясуньи в разных ландшафтных районах неодинаково, что находится в прямой зависимости от плотности поселения большой песчанки. В местах с высокой плотностью нор (южный Карабиль и Приузбойские Каракумы) численность каменок высокая. Такая закономерность отмечена Г.С.Бельской (1965) и в других районах Туркмении и С.Н.Варшавским (1961) – в Северном Приаралье.

ISSN 1026-5627

Русский орнитологический журнал 2020, Том 29, Экспресс-выпуск 1901: 1291-1292

Особенности питания белой совы *Nyctea scandiaca* и мохноногого канюка *Buteo lagopus* в горных тундрах низовий реки Лены

В.Н.Большаков

*Второе издание. Первая публикация в 1965**

Среди хищных птиц низовий реки Лены в горных тундрах Хараулахского хребта наиболее обычны мохноногий канюк *Buteo lagopus* и белая сова *Nyctea scandiaca*. Фоновыми видами мышевидных грызунов этого района являются лемминги (преимущественно копытный *Dicrostonyx torquatus*), населяющие пониженные участки, занятые осоково-моховой тундрой, и лемминговидная полёвка *Alticola lemmingus*,

* Большаков В.Н. 1965. Особенности питания белой совы и мохноногого канюка в горных тундрах низовий р. Лены // *Новости орнитологии: Материалы 4-й Всесоюз. орнитол. конф.* Алма-Ата: 42-43.

обитающая исключительно в типичных горных тундрах и каменистых россыпях горных клонов.

Анализ погадок, собранных в июле-августе 1963 и 1964 годов при экспедиционных работах в горных тундрах Хараулахского хребта, показал, что лемминги составляют основу питания обоих видов птиц: у белой совы остатки леммингов встречены в 92% погадок, у мохноногого канюка – в 75%. В одной погадке белой совы находилось в среднем 3-4 (максимально 6) остатков леммингов, у канюка – 1-2 (максимально 3). В погадках белой совы обнаружены также остатки зайцев *Lepus timidus* (6% погадок) и птиц (определены краснозобый конёк *Anthus cervinus* и белая куропатка *Lagopus lagopus*). У канюка остатки птиц в погадках встречаются значительно чаще. Лемминговидные полёвки, несмотря на сравнительно высокую численность в горных тундрах (до 18% попадания), почти не употребляются хищными птицами: в погадках совы и канюка найдено лишь по одному экземпляру полёвок.

Особенности питания белой совы и мохноногого канюка говорят о том, что районы верхней части горных хребтов, заселённые в основном лемминговидными полёвками, слабо используются ими для охоты. Наоборот, пониженные части горных тундр, долины рек, заселённые леммингами, интенсивно облавливаются обоими видами хищных птиц.

ISSN 1026-5627

Русский орнитологический журнал 2020, Том 29, Экспресс-выпуск 1901: 1292-1293

О зимнем питании ушастой совы *Asio otus* в Херсонской области

В.И.Абеленцев, А.С.Уманская

Второе издание. Первая публикация в 1965*

С 4 по 11 мая 1962 в урочище «Сыпучие пески» Больше-Александровского лесхоза Херсонской области собрано свыше 6 тыс. погадок ушастой совы *Asio otus* (по определению И.Г.Пидопличко). Основная масса погадок лежала под 25-30 соснами примерно на площади в 1 га, остальные – в радиусе 250-300 м. Погадки были оставлены совами зимой 1961/62 года. В лесу зимовали 8-10 этих птиц. Во время сбора погадок лишь изредка встречались домовый сыч *Athene noctua*, сплюшка *Otus scops*, серая неясыть *Strix aluco*. Ушастых сов не было.

* Абеленцев В.И., Уманская А.С. 1965. О зимнем питании ушастой совы // *Новости орнитологии: Материалы 4-й Всесоюз. орнитол. конф.* Алма-Ата: 5-6.

Если принять, что радиус действия сов во время кормёжки не превышал 5 км, то птицы регулярно облетали весь лесной массив, окраину населённого пункта, прилегающие к лесу пустыри и поля, а также пойменные участки, занятые садами, поливными огородами, сорняками.

Результаты анализа погадок приведены в таблице, из которой видно, что ушастые совы поедали 7 видов грызунов, 2 вида землероек и 13 видов мелких воробьиных птиц.

Состав кормов ушастой совы в урочище «Сыпучие пески»

Вид	Количество съеденных животных	В % от общего числа животных
Домовая и курганчиковая мыши	3064	38.17
Обыкновенная полёвка	2972	37.02
Лесная и желтогорлая мыши	1234	15.37
Серый хомячок	174	2.17
Крапчатый суслик	1	0.01
Белобрюхая белозубка	5	0.06
Малая белозубка	4	0,05
Всего млекопитающих	7454	92.85
Садовая овсянка	231	2.90
Зеленушка	95	1.18
Снегирь	70	0.87
Обыкновенная овсянка	44	0.55
Домовой воробей	30	0.38
Чиж	26	0.32
Щегол	17	0.21
Хохлатый жаворонок	17	0.20
Полевой жаворонок	15	0.18
Скворец	10	0.12
Степной жаворонок	8	0.10
Крапивник	7	0.09
Лесной жаворонок	4	0.05
Всего птиц	574	7.15
Итого	8028	100.0

Таким образом, 8-10 особей ушастой совы за зиму на площади до 2.5 тыс. га уничтожили 7445 вредных грызунов, или 3 грызуна на 1 га.

